

СЛОВО О БУНИНЕ

В далекой юности впервые прочитал я книгу бунинских рассказов. Мне запомнилась эта книга, синяя ее обложка. Что-то родное и близкое было в рассказах, изображавших жизнь русской деревни, с детства знакомую мне природу. Иными, не бунинскими были места, в которых проходили мои детство, отрочество и юность. Я жил в смоленском лесном краю. Глаза мои не видели степных бунинских просторов. Но такой же была Россия, такие же окружали меня люди, такая же бедность, те же обычаи. Так же по зимним и летним дорогам бродили нищие, входили в тесные крестьянские избы, снимали шапки, крестились на висевшие в углах иконы; приложив к груди початую ковригу черного хлеба, хозяйки отрезали ломоть, подавали милостыньку в протянутую руку нищего. Такое же ходило по нашей стороне горе-злочастье, такими же были судьбы работавших на земле людей, и так же колосились хлеба на деревенских полях, взлетали над нивами жаворонки, кричали по утрам перепела, трещали в жаркие летние дни на лугах кузнечики.

Я читал и перечитывал полюбившиеся рассказы дотоле неизвестного мне писателя, удивлялся ритму бунинской речи. Всю свою долгую жизнь я не расстанусь с книгами Бунина. И теперь, в старости, с волнением слушаю его рассказы, которые при моей слепоте мне читают добрые люди.

Сейчас передо мной на столе лежат короткие бунинские рассказы, не вошедшие в известное девяти томное собрание его сочинений. Часть их публикуется в этой книге. Самые замечательные из них — его юношеские рассказы, печатавшиеся в «Орловском вестнике», в редакции которого Бунин некогда работал. Трудно поверить, что эти рассказы писал семнадцатилетний юноша, — так сжато, точно и верно описана в них природа, изображены люди. В таких ранних рассказах уже чувствуется ритм речи зрелого писателя Бунина.

Некоторые из его последних рассказов, написанных в Париже, незадолго до смерти, имеют мрачный характер, порою их неприятно читать. Так подействовал на Бунина долгий отрыв от родной земли.

Начинал писать Бунин в те далекие времена, когда был жив сам Лев Николаевич Толстой, имя которого читала вся грамотная Россия. И недаром так влекло к себе это имя юношу Бунина, рано вступившего на нелегкий жизненный путь.

В начале писательского пути Бунина имя его не имело в России широкой известности среди городских читателей, мало знавших русскую деревню. Еще задолго до революции и первой мировой войны гремели в России иные, забытые теперь имена. Гремело имя Леонида Андреева, вздох читали Арцыбашева, петербургских и московских символистов. В Москве и Петербурге появлялись «ничеговики» и футуристы, носившие желтые кофты, кривлялся перед переполненным залом Игорь Северянин. В речи, произнесенной в 1913 г. на юбилей газеты «Русские ведомости», выходившей в Москве, Бунин так говорил о модных писателях: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и морем разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Испорчен русский язык

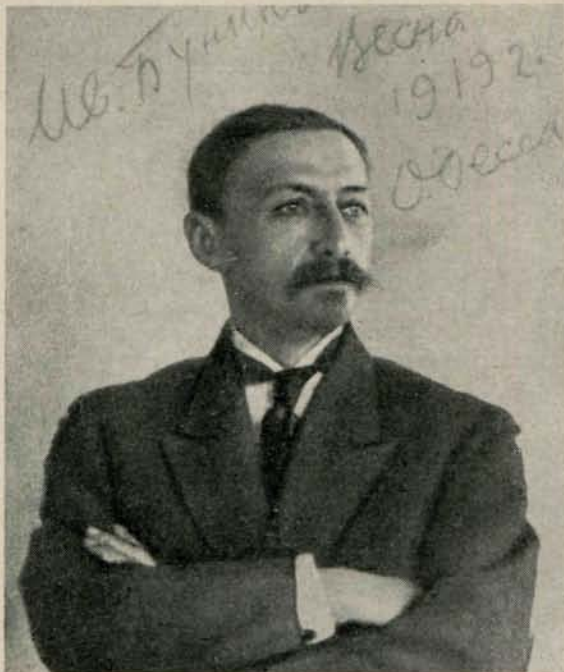
БУНИН

Фотография. Одесса, 1919.

С автографом писателя:

«Ив. Бунин. Весна 1919 г. Одесса»

Парижский архив Бунина

(в тесном содружестве писателя и газеты), утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи...».

В произведениях Бунина нет и следа сентиментальной слащавости, на которую так падки некоторые люди, не умеющие отличать правды от лжи. В писаниях своих Бунин не лгал, — так же как не лгал Толстой, Пушкин и Гоголь. Отсутствием фальши и лжи объясняется долговечность произведений настоящих художников-писателей.

Удивительна память Бунина, до последних дней его жизни удерживавшая огромное множество событий и судеб. Он помнил все, что приходилось видеть и слышать на долгом жизненном пути. Он любил путешествовать, любил море, никогда не был домоседом. Живя в 1910-х годах в Италии на острове Капри, в близком соседстве с Горьким, Бунин написал много рассказов о деревне.

Читая бунинские рассказы, дивисься мельчайшим подробностям, которые держала его память. Он видел лица людей, помнил произносимые ими слова, видел родную степь, засеянные хлебом поля, помнил знакомые запахи, полет птиц над степью, скрип полозьев по русским зимним дорогам, завывание пурги, первые весенние почки на оживающих березах. Он видел нищих и дурачков, которыми обильна была старая Россия. Видел дворянские гнезда, обедневших помещиков-дворян, пропивавших последние крохи былых богатств с «беззаботностью, достигавшей даже какой-то неестественной меры». Видел городских мещан-прасолов, за бесценнок скупавших дворянские усадьбы. Начал писать Бунин, когда уже изменялся лик старой России, новая виделась жизнь. Дворянские дочери и сыновья нередко становились революционерами, мечтали о новой счастливой жизни. К таким революционерам принадлежал в молодые годы родной брат Бунина.

Творчество Бунина несомненно вытекает из пушкинского чистейшего родника. В автобиографической повести «Жизнь Арсеньева» Бунин пишет: «Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни

«...» Сколько чувств рождает он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства и все то, среди чего и чем я жил! Вот я просыпаюсь в морозное солнечное утро, и мне вдвойне радостно, потому что я восклицаю вместе с ним: „Мороз и солнце, день чудесный!“ — с ним, который не только так чудесно сказал про это утро, но дал мне вместе с тем и некий чудесный образ:

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

«А там опять: „Роняет лес багряный свой убор, и страждут озими от бешеной забавы“ — той самой, которой с такой страстью предаюсь и я...» «Да, он и писал все только „наше“, для нас и с нашими чувствами...»

Работал Бунин неустанно. Писал новые рассказы, переделывал давно написанное, сокращал, менял заглавия. О Бунине иногда пишут и говорят, что он был жестоким, недобрым человеком. Это несправедливо. Мог ли быть недобрым человеком писатель, создавший такие рассказы, как «Худая трава», «Божье древо», «Сверчок», коротенький рассказ «Лапти»?

С живым Буниным я познакомился в год гражданской войны, в Одессе. Я плывал матросом на небольшом торговом пароходе «Дыхтау». Иногда мы заходили в Одессу. Было страшное, беспокойное время. Я принес рассказ в газету, литературным отделом которой заведывал Бунин. На следующий день в редакции газеты мне сказали, что Иван Алексеевич хочет познакомиться со мною, что ему понравился мой деревенский рассказ. Я вошел в небольшой кабинет, где за столом сидел худощавый бритый человек с сухим лицом и зоркими глазами. Он приветливо поздоровался со мною, стал расспрашивать о моей жизни. Я рассказал ему о наших смоленских местах, о Петербурге, где я встречал революцию, о знакомом

*Дорогой Иван Сергеевич,
от души желаю всяческих успехов
вашему таланту! Ив. Бунин*

*Ив. Бунин
Париж,
21 июня — 4 июля
1921 г.*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БУНИНА И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ НА КНИГЕ
«ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО» (ПАРИЖ, 1921):

«Дорогой Иван Сергеевич, от души желаю всяческих успехов вашему таланту! Ив. Бунин.
Париж, 21 июня — 4 июля 1921 г.»

Собрание И. С. Соколова-Микитова, Москва

Бунину издатель-редакторе «Ежемесячного журнала» Викторе Сергеевиче Миролюбове, у которого неоднократно печатался Бунин. В журнале Миролюбова были напечатаны и мои первые рассказы о войне, которые в других журналах не пропускала цензура. Бунин похвалил мой рассказ, сказал, что он будет напечатан, предложил мне «фикс» (так назывался в прошлые времена ежемесячный гонорар независимо от того — печатались или не печатались произведения автора). Из редакции мы спустились вместе по узкой каменной лестнице. Я сказал о том, что наш пароход, возможно, отправится в дальнее плавание. Бунин ответил, что любит море, далекие морские путешествия, любит моряков. На другой день я был у него в квартире, в большом пустынном здании. Он вручил мне письмо своему знакомому — известному толстовцу, жившему где-то на Кавказском побережье, просил при случае это письмо передать. Мы шли по одесской улице, падал мокрый снег, ложился на каракулевую шапку, на воротник бунинского пальто. На следующий день наш пароход уходил в Севастополь. С тех пор я не встречал Бунина.

Через несколько месяцев на большом океанском пароходе «Омск», на который в Константинополе меня приняли матросом, с грузом хлопкового семени я прибыл из Александрии в Англию, в город Гулль. Из Гулля я написал Бунину в Париж коротенькое письмецо и быстро получил ответ. Бунин писал, что живет на улице Оффенбаха, жаловался на нездоровье.

Известно, что в первые годы пребывания в эмиграции Бунин писал мало. Перебравшись из Англии в Берлин, где было в тот год много русских писателей и разнообразных русских издательств, в редакции одной газеты я неожиданно получил от Бунина письмо. Бунин писал, что читает мои рассказы, спрашивал очень деликатно — как я живу, не нуждаюсь ли в деньгах, не разрешу ли я ему похлопотать перед каким-то благотворительным обществом о высылке мне небольшой суммы денег. Я ответил Бунину радостным письмом. Вскрости получил от него первую его книгу, изданную в Париже, — «Господин из Сан-Франциско». На книге твердой рукой Бунина была сделана лестная для меня надпись.

О смерти Бунина я узнал, живя в деревне под Москвою. Ночью по радио я слушал печальную весть о его смерти, чтение незнакомых мне бунинских рассказов.

Только через много лет имя Бунина воскресло в России. Имя его на одном из съездов советских писателей произнес Константин Федин. После этого книги Бунина начали издаваться в России.

В недавние годы я переписывался со вдовой Бунина Верой Николаевной, которая прислала мне свою книгу о Бунине. Она спрашивала меня о России, писала о трудном времени, которое им пришлось пережить в годы войны, о смерти мужа, вспоминала русских мудрых мужиков, которых так хорошо знал Бунин.

В рассказе, над которым Бунин работал незадолго до смерти, он пишет о себе: «Дней моих на земле осталось уже мало. И вот вспоминается мне то, что когда-то было записано мною о Бернаре в Приморских Альпах, в близком соседстве с Антибами». И далее он передает воспоминания старика француза о моряке Бернаре, герое мопассановского очерка «На воде», описывает его «продубленное морской солью лицо», глаза, руки, умение владеть парусами, необыкновенную его опрятность: Бернар не терпел даже капли воды на какой-нибудь медной части своей яхты. «Теперь он умолк навеки. Последние его слова были: „Думаю, что я был хороший моряк“». «Мне кажется, — заканчивает Бунин, — что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар».

В этих прощальных словах Бунин сказал о себе все, что мог сказать подлинный художник.